

УДК 327

ВОЗМОЖНОСТИ И ЛИМИТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аванесова Мария Станиславовна,

Западночешский университет в Пльзени,
аспирант,
Пльзень, Чешская Республика,
E-mail: mariaavanesova93@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена возможностям российской «мягкой силы» в Средней Азии. Кроме того, в ней анализируется российский подход к понятию «мягкой силы». Отдельное внимание уделено и источникам «мягкой силы». Автор анализирует роль Русской Православной Церкви, Русского мира и Россотрудничества и мигрантов в создании «мягкой силы» России в Средней Азии.

Ключевые понятия:

Россия, мягкая сила, Средняя Азия, РПЦ, Русский мир, Россотрудничество, Послы русского языка.

Сегодня мягкая сила (*soft power*), т. е. способность одного актора влиять на поведение других акторов, не используя средств принуждения, становится одним из наиболее важных инструментов внешней политики, потенциал которого не стоит недооценивать.

Впервые термин «мягкая сила» был использован Джозефом С. Наем-младшим. В своей книге «*Soft Power: The Means to Success in World Politics*» он говорит о том, что государство А будет успешно в мировой политике не только, если будет с помощью «жестких»¹ инструментов воздействия принуждать остальные государства (В, С...) к действиям, которые будут выгодны для А, но и в случае, когда государство А будет примером для остальных.

¹ В данном случае под «жесткими» инструментами воздействия понимается экономические и силовые способы воздействия.

По мнению Най, источниками «мягкой силы» являются культура (в местах, где она привлекательна для других), политические ценности (в том случае, если государственные элиты руководствуются ими во внутренней и внешней политике) и внешняя политика (когда другие считают её законной и имеющей моральное право) [1, с. 11].

В дальнейших своих работах Най заметил, что в некоторых случаях и экономические ресурсы могут стать источником «мягкой силы» [7, с. 154]. Кроме того, и военные ресурсы могут быть источником «мягкой силы» в связи с тем, что «... сотрудничество в военной области и программы подготовки могут создать транснациональную сеть, увеличивающую мягкую силу страны» [7, с. 156].

В своих работах Най отмечает, что необходимо создавать «мягкую силу», опираясь лишь на правдивую информацию. Любое искажение фактов не будет отличать такую «мягкую силу» от пропаганды [1, с. 107], а неправильное использование любого из вышеперечисленных источников, в свою очередь, может привести к обратному эффекту и подорвать мягкую силу страны [6, с. 156]. В качестве инструментов «мягкой силы» Най называет не только государственные, но и негосударственные акторы [1, с. 17].

В России первые разговоры о необходимости использовать «мягкую силу» во внешней политике начались во время «цветных революций» на постсоветском пространстве. Представители России понимали, что если Россия хочет удержать и усилить свои позиции в данном регионе, то необходимо действовать не только с помощью инструментов «жесткой силы». В 2007 Россия открывает фонд «Русский мир», позднее Россотрудничество, фонд Горчакова.

Новая волна внимания к мягкой силе была вызвана программной статьёй Владимира Путина «Россия и меняющийся мир» в 2012 году. В качестве акторов, создающих мягкую силу, Путин обозначил Россотрудничество, фонд «Русский мир» и ведущие российские университеты. Роль СМИ и негосударственных акторов наоборот была критикована, данные институты были охарактеризованы как инструменты, которые дестабилизируют внутривнутриполитическую ситуацию и способствуют манипуляции общественным мнением [8]. В Концепции внешней политики РФ 2013 года также указывается, что «мягкая сила» может быть одним из инструментов вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Несмотря на то, что Концепция расширяет количество акторов, которые способны создать «мягкую силу», фактически государство и дальше продолжало уделять внимание лишь государственным институтам.

Такую позицию российского руководства Дж. Най не оставил без внимания. В своей статье «*What China and Russia Don't Get about Soft Power*» Най пишет о том, что российская ошибка заключается в том, что российские элиты думают о том, что правительство является главным институтом «мягкой силы» [2].

События последних трёх лет указывают на то, что Россия активно использует свою «жесткую силу». Однако трудно сказать, что использование этой силы играет на пользу России в отношениях не только с Западом, но и с государствами на постсоветском пространстве. Результаты информационной кампании, которая ведется против России, указывают на существующие

проблемы в возможностях России создавать и использовать «мягкую силу». А ведь именно использование потенциала «мягкой силы» на постсоветском пространстве может помочь России избавиться от ситуации, когда отношения между Россией и странами СНГ зависят от личных отношений между главами государств. Отказ от использования «мягкой силы» на этой территории и вовсе может привести к созданию идентичности постсоветских государств на антироссийской основе [3].

Территориально данная работа ограничена регионом Средней Азии. По мнению Лебедевой, Россия в Средней Азии имеет преимущество в использовании «мягкой силы», которое заключается в наличии дружеских, родственных и профессиональных связей, участия в совместных интеграционных проектах и использовании русского языка в данном регионе [4, с. 49–50]. А Александр Шустов в своей статье указывает, что «если военно-политическое влияние России в регионе все еще достаточно сильно, то тренд на сокращение демографического и культурно-языкового фундамента русского мира сохраняется. Главной причиной сжатия русскоязычного пространства в регионе является сокращение численности русского населения, которое влечет за собой дальнейшее сужение культурно-языковой сферы» [12].

Действительно, количество российских соотечественников в странах Средней Азии уменьшается (этому способствует и программа возвращения соотечественников). В Туркменистане и Таджикистане русских практически не осталось. Уменьшение российского культурно-цивилизационного влияния вызвано и отказом политических элит от русского языка. Руководство Туркменистана *de facto* лишило граждан возможности обучения на русском. В стране работает только одна туркмено-российская школа [12]. Кроме того, в стране отсутствует представительство фонда «Русский мир». Представительство фонда отсутствует и в Узбекистане, где также заметна тенденция сокращения образования на русском. Все мероприятия фонда «Русский мир» и Россотрудничества направлены на укрепление позиций русского языка, культуры и литературы в данном регионе, однако их усилий для распространения русского языка и культуры недостаточно. Например, в Таджикистане они явно уступают китайским центрам по изучению китайского языка и культуры «Конфуций» [11].

Следующим проектом, финансируемым государством и направленным на изучение русского языка, является проект *«Послы русского языка в мире»*. Проект был создан в 2015 году и курируется Институтом Пушкина. В 2015–2016 годах в рамках проекта российские волонтеры ездили в страны СНГ (на данный момент «экспедиции» прошли в Армении, Молдове, Кыргызстане и Таджикистане). «Послы» учат детей в средних школах в течение недели, знакомят детей с русской культурой, традициями и русским языком. Кроме того, школьники под руководством наставников готовят концерты, в рамках которых дети читают русские стихотворения, показывают русские сказки, поют русские песни. Данный проект реализуется в сотрудничестве со Славянским университетом в данных странах. Несмотря на огромный потенциал данного проекта, у него есть и значительные лимиты. Первым из них является период обучения «послами» детей – фактически «послы»

успевают провести 12–15 уроков за время своего пребывания. Существенно ограничены и возможности дальнейшей поддержки данных классов и школ со стороны данной программы. Несмотря на существование интернет-портала «Образование на русском», который предлагается использовать учителям русского языка во время своих уроков и детям для улучшения своих знаний, его внедрение в условиях Таджикистана и Киргизии осложнено отсутствием доступа в Интернет в большинстве школ.

Следующим актором являются религиозные институты. После распада СССР в Центральной Азии увеличивалось число исламских школ, институтов, количество мечетей. В политику и общественную жизнь проникала радикальная исламская идеология. Страны данного региона, за исключением Казахстана, ощущали себя частью исламского мира, что неизбежно отражалось на отношениях с Россией, где начали активно вспоминать о «государствообразующей» роли РПЦ. Более того, Алексей Малашенко считает, что принадлежность к различным религиям стала фактором взаимоотталкивания между Россией и странами Средней Азии [5]. Однако РПЦ удалось наладить хорошие отношения с представителями ислама. Источники указывают, что существовало негласное правило, согласно которому Русская Православная Церковь не проводила миссионерскую деятельность среди мусульман, а представители ислама не проводили миссионерскую деятельность среди православных [6]. Но это не спасло позиции РПЦ в регионе, которые значительно ослабли из-за оттока русскоязычного населения.

Усилия патриарха Кирилла по консолидации зарубежных епархий, которые в случае Средней Азии заключались в административной реформе (был создан Среднеазиатский митрополичий округ РПЦ), не принесли ожидаемых результатов по усилению позиций Церкви в регионе. В 2015 году РПЦ запускает интернет-телеканал для православных Центральной Азии. В епархиях на территории Средней Азии начинают вести службы и на местном языке, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию между некоторыми представителями ислама. В Казахстане подобная инициатива привела к тому, что Духовное управление мусульман обвинило РПЦ в желании распространить геополитическое влияние России [9]. Проблемы существуют и в Туркменистане, где можно говорить о «туркменизации» Церкви, возможности Церкви в данной стране сведены к нулю.

Последним актором «мягкой силы» России являются среднеазиатские мигранты, живущие в России. По данным МВД в период с января по март 2017 года в России были поставлены на миграционный учет 127810 граждан Казахстана, 192750 граждан Киргизии, 775692 граждан Узбекистана, 10537 граждан Туркмении, 407963 граждан Таджикистана, что составляет около 53 процентов от числа всех граждан зарубежных стран, которые были поставлены на миграционный учет в России в течение данного периода [10]. Именно они могут помочь России создать привлекательный образ в глазах своих соотечественников, проживающих в странах Средней Азии посредством передачи своего образа России/опыта с Россией своим родственникам, друзьям и знакомым. По данным опроса, который был нами проведен среди мигрантов, приехавших из Средней Азии на заработки в Россию, можно го-

ворить о том, что большинство из них разочарованы в России. Среди факторов, ухудшающих образ России, они называют отношение к себе со стороны российских граждан и фактическую незащищенность перед российскими работодателями. Кроме того, после теракта в Санкт-Петербурге и последующей информационной кампании большинство респондентов почувствовало увеличение психологического давления со стороны российского общества. По нашему мнению, улучшение миграционной политики и положения представителей Средней Азии в глазах российского общества могут значительно помочь России в создании своего позитивного образа среди среднеазиатской общественности.

Несмотря на то, что в 2016 году Россия впервые вышла в топ 30 стран по использованию мягкой силы, заняв 27 место, необходимо констатировать то, что влияние посредством «мягкой силы» в российской внешней политике недостаточно развито.

Среди главных проблем мягкой силы России можно назвать не только проблемы в теоретическом определении «мягкой силы» и практическом игнорировании потенциала негосударственных акторов в реализации «мягкой силы», но и реальные препятствия, которые создают иностранные государства для российских учреждений, реализующих концепцию «мягкой силы». Уменьшающийся интерес к русскому языку в постсоветских странах, возрастающий национализм и антироссийская пропаганда также не способствуют созданию привлекательного образа России за рубежом.

1. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs Group, 2004. 208 p.

2. Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // *Foreign Policy* [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

3. Ваплер, В.Я. и кол. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // *Журнал «Вопросы управления»*. 01.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/en/issue/2010/01/02/>.

4. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // *Вестник МГИМО-университета*. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–56.

5. Малашенко А.В. Конфессиональный фактор в отношениях России со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071219090122848>.

6. Мирофанова, А. (2007). Имеет ли Русская Православная Церковь объединяющее значение для соотечественников в странах СНГ и Балтии [Электронный ресурс]. URL: <http://ia-centr.ru/archive/comments6a70.html?id=387>, 6.2.2017.

7. Най, С. Дж. (младший). *Будущее власти* / Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

8. Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>.

9. Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ – 2011 – № 3. – С. 53–73.

10. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-март 2017 года с распределением и регионам // МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>.

11. Шарифзода, М. «Мягкая сила» России в отношении Центральной Азии (на примере Таджикистана) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.picreadi.ru/2017/04/03/>.

12. Шустов А. Русский мир Средней Азии сжимается [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/11_asia.html.

References

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs Group, 2004. 208 p.

2. Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // Foreign Policy [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

3. Vapler, V.Ya. i kol. Ideya imperii i «myagkaya sila»: mirovoj opyt i rossijskie perspektivy // Zhurnal «Voprosy upravleniya». 01.02.2010 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2010/01/02/>.

4. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ix dejstviya // Vestnik MGIMO-universiteta. – 2014. – № 2 (35). – S. 47–56.

5. Malashenko A.V. Konfessional'nyj faktor v otnosheniyax Rossii so stranami Central'noj Azii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071219090122848>.

6. Mirofanova, A. (2007). Imeet li Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' ob"edinyayushhee znachenie dlya sootechestvennikov v stranax SNG i Baltii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://ia-centr.ru/archive/comments6a70.html?id=387>, 6.2.2017.

7. Naj, S. Dzh. (mladshij). Budushhee vlasti / Per. s angl. V.N. Verchenko. – M.: AST, 2014. – 444 s.

8. Putin V.V. Rossiya i menyayushhiysya mir [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>.

9. Смагулов К. Sovremennaya religioznaya situaciya v Kazaxstane // Central'naya Aziya i Kavkaz – 2011 – № 3. – С. 53–73.

10. Statisticheskie svedeniya po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar'-mart 2017 goda s raspredeleniem i regionam // MVD Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>.

11. Sharifzoda, M. «Myagkaya sila» Rossii v otnoshenii Central'noj Azii (na primere Tadzhiqistana) [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.picreadi.ru/2017/04/03/>.

12. Shustov A. Russkij mir Srednej Azii szhimaetsya [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-01/11_asia.html.

UDC 327

OPPORTUNITIES AND LIMITS OF RUSSIA'S SOFT POWER IN CENTRAL ASIA

Avanesova Maria Stanislavovna,

University of West Bohemia in Pilsen,
PhD student,
Pilsen, Czech Republic,
E-mail: mariaavanesova93@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the description of opportunities of the Russian soft power in Central Asia. There is analyzed a Russian understanding of a soft power concept as well. Special attention is paid to the origin of soft power notion. The author makes an attempt to analyze and explain the activities of the Russian Orthodox Church, Russkiy Mir Foundation and the Rossotrudnichestvo Agency as a source of soft power in Central Asia.

Key concepts:

Russia, soft power, Central Asia, ROC, Russkiy Mir, Rossotrudnichestvo, Posly russkogo jazyka.